

говоря уже об ужасе быть похороненным не по обряду (Полагают, что ее святилище в Серабит эль-Хадиме началось с сооружения гробницы египетскому чиновнику эпохи Среднего царства). Иконография Хатхор (изображение ее лица в фас, возможно, заимствованное некогда у Бат) и некоторые мифы (об истреблении человечества) показывают отнюдь не миролюбивый характер богини, а, следовательно, она могла эффективно защищать попавшего в беду.

Однако, на мой взгляд, главной причиной наречения Хатхор «владычицей чужеземных стран» является отчетливо царский аспект ее культа. Само имя богини – «Подворье Хора» – тесно связывает ее с царем, воплощением Хора на земле. Все территории, над которыми она владычествовала – Библ, Синай, Пунт – ставились таким образом под власть фараона. Именно поэтому Хатхор присутствует в скульптурных группах Микерина, является самой почитаемой богиней эпохи Древнего царства (судя по титулатуре жриц), а позднее, при XI династии получает святилище в новой столице страны – Фивах. Поэтому с ней отождествляются древнеегипетские царицы, а цари объявляются «любимыми Хатхор», особенно часто – в синайских надписях.

Библиографические ссылки

1. Менчинская, Т. И. Бирюза / Т. И. Менчинская. – М. 1989.
2. Erman, A., Grapow, H. Wörterbuch der ägyptischen Sprache / A. Erman, H. Grapow. – Bd. I–V. – Berlin, 1926–1931.
3. Fuchs, R. Türkis / R. Fuchs // Lexikon der Ägyptologie. – Bd. VI. – Wiesbaden, 1985. – Sp. 789–795.
4. Gardiner A. H., Peet, T. E. The Inscriptions of Sinai. 2d rev. / A. H. Gardiner, T. E. Peet. – P. I–II. – L., 1952–1955.
5. Aston, B., Harrell, J., Shaw, J. Stone / B. Aston, J. Harrell, J. Shaw // Ancient Egyptian Materials and Technology. – Cambridge, 2001. – P. 5–77.
6. Лукас, А. Материалы и ремесленные производства древнего Египта / А. Лукас. – М. 1958.
7. Petrie, W. M. Fl. Researches in Sinai / W. M. Fl. Petrie. – L., 1906.
8. Weisgerber, G. Bergbau im alten Ägypten / G. Weisgerber // Das Altertum. – Bd. 37. Heft 3. – 1991. – S. 140–154.
9. Сокровища Египта. Иллюстрированный путеводитель по Египетскому музею в Каире. – М. 2003.
10. Kees, H. Farbensymbolik in ägyptischen religiösen Texten / H. Kees // Nachrichten von der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Philologisch-Historische Klasse. – 1943. N 11. – S. 414–479.
11. Липс, Ю. Происхождение вещей / Ю. Липс. – М., 1954.

ДРЕВНЕЕГИПЕТСКИЕ ОБЕЛИСКИ ПОЗДНЕГО ЦАРСТВА

А. А. Спартак

Минск, Белорусский государственный университет, spartakala@gmail.com

В докладе рассматривается традиция установки древнеегипетскими царями обелисков как элементов института царской власти в период Позднего царства в Древнем Египте. Делается вывод о том, что цари в эпоху Позднего царства предпринимали попытки воссоздания идеологии

божественного происхождения царской династии, в том числе и путем возведения обелисков. Этим они провозглашали себя божественными потомками бога солнца и обосновывали легитимность своих властных полномочий как гарантов миропорядка. Однако сравнительно небольшое число установленных обелисков, скудность и малоинформативность данных на них указывают на то, что обелиски Позднего царства – это лишь отголосок былого величия фараонов, анахронизмы.

Ключевые слова: обелиски; Древний Египет; Позднее царство; царский культ.

The report deals with the obelisks erection tradition by the ancient Egyptian kings as elements of the institution of royal power during the Late Period in the Nile Valley. It is concluded that the Late Period kings attempted to recreate the ideology of the divine origin of the royal dynasty, including by erecting obelisks. By this, they proclaimed themselves divine descendants of the sun god and justified the legitimacy of their powers of power as guarantors of the Maat. However, the relatively small number of installed obelisks, the scarcity and lack of informational content of the data on them indicate that the obelisks of the Late Period are only anachronisms.

Keywords: Ancient Egypt; Late Period; obelisks; kingship.

Обелиски в Древнем Египте были неразрывно связаны с институтом царской власти и являлись олицетворением божественной сущности царя, подтверждением его божественного происхождения и права на осуществление им ритуальной функции «творения» Маат. Обладающий в полной мере сакральностью царь в древнеегипетском мировоззрении отождествлялся с обелисками. Обелиски и царь имели одинаковую природу (божественную).

На различных этапах существования древнеегипетского государства происходили изменения в идеологии института царской власти: в зависимости от внутривластной и внешнеполитической обстановки сакральный статус царей мог изменяться, вследствие чего изменялись содержание и функции института царской власти, а с ними и порядок установки обелисков.

Третий переходный период, длившийся почти 400 лет (1069–664 гг. до н. э., XXI–XXV династии), правление иноземцев и древних врагов Египта ливийцев и нубийцев, а затем ассирийское владычество, инфильтрация значительного количества пришлого населения (греков, карийцев), принесших свои обычаи и культуру, децентрализация власти, повлекшая за собой разрушение экономических связей регионов, – все это имело последствием глобальное перестроение социальной структуры общества, повлияло на религиозную жизнь и культы местных жителей [13, р. 330]. Идеология божественного происхождения царской династии более не имела под собой основы. Царь перестал быть единственным гарантом миропорядка, упорядочивателем вселенной.

В этих условиях к власти приходит XXVI Саисская династия. Именно ее представителям удалось, хоть и на достаточно непродолжительное время (664–525 гг. до н. э.), создать видимость объединения страны и провести своеобразный культурно-религиозный ренессанс, воплотить в жизнь множество строительных проектов, по большей части возводимых в Нижнем Египте [1, р. 76; 17, с. 148].

Язык надписей на обелисках Позднего царства представляет собой ту же его форму, что и язык обелисков периодов Среднего и Нового царств – среднеегипетская иероглифика. Для данного периода это бесспорный анахронизм. Уже со времен XXV династии египтяне начинают пользоваться демотическим языком и письменностью. Хотя при этом и сохраняются предшествующие виды

письма, но их употребление ограничивается определенными сферами (эпиграфикой, текстами религиозного значения) [5, р. 1–10].

Возобновление строительства обелисков в этот период связано с именем Псамметиха II (595–589 гг.), третьего царя XXVI династии. Возможно, что начало производству обелисков было положено еще отцом Псамметиха, Нехо II [11, р.141]. Псамметих установил пару обелисков из красного гранита в Гелиополе. Сохранился только один обелиск, который ещё Октавиан Август перевез в Рим в 10 г. до н.э. и установил на Марсовом поле, где тот служил как гномон. Сейчас обелиск находится на площади Монтечиторио в Риме.

Изучению значения этого обелиска была посвящена работа М. Свитнем-Барленд «'Aegyptus Redacta': Египетский обелиск на Марсовом поле Августа» (2010) [11]. И хотя исследование в основном раскрывает значение установки обелиска Августом в Риме, автор отдельно останавливается на значении обелиска в эпоху его возведения. Она указывает, что обелиски периода Псамметиха II, «учитывая специфику изменившейся внутривосточной ситуации в Древнем Египте периода правления XXVI династии относительно периода Нового царства, имели иное значение, нежели более ранние» [11, р. 140].

Тексты Нового царства утверждали концепцию того, что царь был физическим сыном бога Амона, который, воплотившись в земном отце царя, оплодотворил царскую мать [3; 4, р. 14]. В период правления Саисской династии подобной концепции быть не могло. Это была династия царей, происходивших из Нижнего Египта, в то время как фиванский культ Амона предполагал происхождение своих потомков из Фиваиды – Верхнего Египта. К тому же, еще Псамметих I успешно решил проблему фиванского сепаратизма, сначала ликвидировав наследственное правление фиванского князя Монтуэмхета, а затем отдав свою дочь Нитокрис нубийской царевне Аменердис II (верховой жрице Амона) в «дочери» и преемницы с тем, чтобы она наследовала ее титул «божественной жены Амона» [9, р. 360]. Известно, что титул предполагал занятие высшей должности в Фиванском храме Амона. Во время Третьего переходного периода была введена практика занятия этой должности нецарской женой, а также соблюдение жрицей целибата, вероятно, с целью препятствовать возможности возникновения династии. При этом представительницы этой должности в Кушитский период принимали атрибуты царства от бога и даже праздновали хеб-сед. Им была делегирована функция хранения Маат [9, р. 360].

Надписи на сохранившемся обелиске Псамметиха II сильно повреждены, и на сегодняшний день читаемы лишь несколько строк на южной и восточной сторонах обелиска. Они содержат титулатуру царя и указание на то, что обелиски были установлены в Гелиополе. В тексте надписи на обелиске прославляется Ра-Хорахти.

Учитывая недолгий период правления Псамметиха II – 6 лет, вряд ли обелиск мог быть установлен на хеб-сед. К тому же, есть вероятность того, что царь присвоил себе обелиски предшественников. Как отмечал П. Клейтон, «царствование Псамметиха I более полувека ознаменовалось возвращением к стабильности и старым религиозным ценностям. Внешнее влияние, как художественное, так и торговое, пришло в страну как никогда прежде, но, несмотря на это, произошло возрождение местных традиций, искусство обратилось к прошлому, к Среднему и Древнему Царствам» [3, р. 195]. Поэтому памятники периода правления Саисской династии достаточно тяжело точно атрибутировать.

Помимо обелисков в Гелиополе, царь устанавливал обелиски из красного гранита Элефантины в храме Нейт в городе Саис. Об этом свидетельствует статуя

смотрителя складов Неферибра-Нофера [2, р. 500]. Это единственное упоминание обелисков, и они не сохранились до наших дней. Весьма показателен тот факт, что обелиски были сделаны из асуанского гранита, т. е. были привезены с территории, являвшейся пограничной на протяжении всего Саисского периода, оплотом в борьбе с кушитами [8]. Что указывает на важность использования именно данного материала для сооружения обелисков.

Есть сведения также о двух небольших обелисках, установленных царем в Карнаке [1, р. 76], однако сами памятники не сохранились до наших дней.

Как считает М. Свитнем-Барленд, было бы ошибкой считать обелиски Псамметиха «символическим и функциональным эквивалентом обелисков периода Нового царства» [11, р. 139]. Царь более не воспринимался как богоподобный, он скорее уже был простым смертным [9; 10]. Поэтому вряд ли обелиски этого периода могли в полной мере отождествляться с функцией «творения» Маат царем. Власть царя, долгое время определявшаяся через противостояние с иноземцами, живущими на границах Египта, в поздний период зависела от контроля торговых путей и содержания в постоянной армии Египта греческих и карийских наемников, а не от его способности посредством ритуальных действий устанавливать миропорядок. Таким образом, установка обелисков и церемонии, связанные с ними, вероятно, являлись в большей степени данью великому прошлому, нежели необходимостью установления Маат. Это была попытка воссоздания идеологии божественности царской власти [11, р. 140].

Уже с периода XXII ливийской династии обелиски начинают обозначаться др.-егип. словом *mn* – «твердость, прочность, крепость». Исследователи конца XIX века употребляли для перевода слова понятие «стабильность» [14, р. 5]. По всей видимости, речь идет об ассоциировании обелисков со стабильностью царской власти, установленного этой властью миропорядка. «Обелиск стоял как завет его (Псамметиха II – А.С.) царской власти: символ воссоединенной египетской идентичности» [11, р. 140]. Т. е. обелиски были символической «осью мира» [17; 18], элементами, на которых зиждился универсум. В период Древнего царства обелиски выражали идею света и творения. И если понятие *txn* связано именно с идеей света, то понятие *mn* – это выражение идеи творения и незыблемости этого творения. Обелиски – символы прочности установленного миропорядка, а значит и прочности царской власти, с которой они имели неразрывную связь. Обелиски в исторической памяти древних египтян были связаны с теми периодами истории, когда их государство процветало, с «золотыми веками», а значит, и с царствованием «великих фараонов». «Миф о сотворении мира, скрытый в форме обелиска, был неразрывно связан с пониманием Египта как объединения двух земель, что сделало обелиск маркером пересечения космических и земных ландшафтов, особенно значимых во время Позднего периода воссоединения этих земель под египетским правлением» [11, р. 141]. Только в данный период происходит интерполяция: цари устанавливают обелиски не для связи с божественным отцом и «творения Маат», а для легитимации своей власти.

Преемником Псамметиха был царь Априй (589–570 гг. до н. э.). С периода его правления известна пара обелисков из красного гранита из г. Саиса, которая изначально располагалась возле главного храма города, посвященного богине Нейт. В I в. обелиски были вывезены в Рим и установлены в храме богини Исиды в Риме. В XVII в. расколотые обелиски были найдены в подземелье на Пьяцца дела Минерва в Риме. Один из них был подарен папой римским Климентом XI городу Урбино, где и находится по сей день. Второй установлен на Пьяцца дела Минерва. Надписи на обелисках имеют общую структуру и текст, однако, поскольку

обелиски были расколоты на части и потом восстановлены, невозможно точно сопоставить их надписи. К тому же, один из обелисков имеет усеченные края.

Скорее всего, именно об обелисках Априя повествует Геродот во II книге своей Истории. Античный автор сообщает об обелисках в храме богини Нейт в Саисе (Hdt, 2, 170), а также о неких двух других обелисках, судя по контексту, также установленных Априем (Hdt, 2, 111).

Преемник Априя, царь Амасис (570–526 гг. до н. э.), также устанавливал обелиски, Л. Хабаша предполагал, что это имело место в Абидосе [7, р. 102]. На обелисках есть упоминания того, что царь является «возлюбленным Осирисом». Абидос являлся центром культа Осириса. Вероятно, царь провозглашал себя сыном Осириса. И установкой обелиска подчеркивал свою связь с божественным предком. Но в отличие от традиции Нового царства, это уже не была фиванская традиция почитания Амона. Это в большей степени возвращение к культу гелиопольского Атума-Ра. Фрагмент обелиска Амасиса с упоминанием тронного и личного имени царя сейчас находится в Каирском музее.

Плохая сохранность и отрывочность данных об обелисках данного периода не позволяют делать сколь либо серьезных выводов о традиции воплощения царской власти в обелиске, за исключением, пожалуй, вывода о том, что в мировоззрении древних египтян памятники все еще отождествлялись с сакральными царями. И цари по мере возможности пытались использовать данную идеологию в своих интересах и в целях придания своей личности сакральности.

Известны три обелиска Нектанеба II (360–343 гг. до н. э.), последнего царя XXX династии. Фрагмент одного из обелисков из красного гранита высотой около 2 м был найден в восточной Дельте вблизи г. Загазиг. На основании упоминания на обелиске быка Мневиса из г. Хорбейт был сделан вывод, что обелиск был установлен в г. Хорбейт, либо в г. Абу Яссин, где были найдены саркофаги с мумиями быков [7, р. 102–103]. Скорее всего, обелиск был только один.

Два других обелиска были парой. Обнаружено три фрагмента этих обелисков. Два из них находятся в Британском музее, третий – в музее Каира. Есть мнение, что обелиски были сделаны из сланца [7, р. 103], однако в Британском музее материалом обелисков назван алевролит [12]. Судя по размерам фрагментов, высота обелисков была порядка 5,5 м. Надписи на обелисках говорят о том, что Нектанеб «ig.n.f txxnw n it.f DNwtj nb xmnw» «сделал обелиски для отца его Тота, господина xmnw (Хемну или Гермополя)». По результатам раскопок в месте предполагаемого нахождения столицы бога Тота – города Гермополя [16, с. 148–149], была произведена реконструкция фасада храма, существовавшего в период Нектанеба, согласно которой обелиски были парными и имели позолоченные навершия [7, fig. 31].

Таким образом, очевидно, что обелиски в данном случае показывают происхождение царя от бога Тота, локальной ипостаси солнечного бога. Это говорит о сохранении идеологии божественного происхождения царской власти. Однако, при этом, царь не признает свое происхождение от традиционных солярных богов Египта Атума-Ра, Амона-Ра и Ра-Хорахти, что указывает на снижение роли традиционного влияния на политику царской власти фиванского жречества, а значит, и на новые идеологические методы обоснования легитимности царской власти, при сохранении традиционного принципа ее божественного происхождения.

Таким образом, цари в эпоху Позднего царства предпринимали попытки воссоздания идеологии божественного происхождения царской династии, в том числе и путем возведения обелисков. Этим они провозглашали себя

божественными потомками бога солнца и обосновывали легитимность своих властных полномочий как гарантов миропорядка. Однако сравнительно небольшое число установленных обелисков, скудность и малоинформативность данных на них указывают на то, что обелиски позднего периода – это лишь отголосок бывшего величия фараонов, анахронизмы. В данный период обелиски хоть и имели общее символическое значение с обелисками предшественников – как символов творения, мифа о сотворении мира, скрытого в форме обелиска, однако они уже не имели того сакрального действия, какое было им присуще в более ранние периоды в силу изменившихся мировоззренческих категорий древних египтян. Восприятие обелисков в ассирийских источниках говорит о том, что за пределами Египта эти сооружения отождествлялись с царской властью, были символами египетского царствования. В Египте же они воспринимались как символы прочности царской власти. Маловероятно, что в поздний период обелиски сохраняли свое значение как элементов, обеспечивающих взаимосвязь царя с его божественным отцом, однако цари определенно использовали обелиски в качестве элемента легитимации власти.

Библиографические ссылки

1. Arnold, D. *Temples of the last pharaohs* / D. Arnold. – N. Y. : OUP, 1999. – 373 p.
2. Breasted, J. H. *Ancient records of Egypt: historical documents from the earliest times to the Persian conquest* : in 5 vol. / J. H. Breasted. – Chicago : The Univ. of Chicago Press, 1906–1907. – 5 vol.
3. Clayton, P. A. *Chronicle of the pharaohs: the reign-by-reign record of the rulers and dynasties of Ancient Egypt* / P. A. Clayton. – L. : Thames a. Hudson, 1994. – 224 p.
4. Dodson, A. *The complete Royal families of Ancient Egypt* / A. Dodson, D. Hilton. – L. : Thames a. Hudson, 2010. – 320 p.
5. Gardiner, A. H. *Egyptian grammar: being an introduction to the study of hieroglyphs* / A. H. Gardiner. – Oxford : Griffith Inst., 2005. – XXVI, 646 p.
6. Gazalé, J. M. *Gnomon: from pharaohs to fractals* / J. M. Gazalé. – Princeton : Princeton Univ. Press, 1999. – XIV, 259 p.
7. Habachi, L. *The obelisks of Egypt: skyscrapers of the past* / L. Habachi. – Cairo : Amer. Univ. in Cairo Press, 1984. – XVI, 203 p.
8. Habachi, L. *Psammetique II dans la region de la premiere cataracte* / L. Habachi // *Oriens Antiquus*. – 1974. – Vol. 13, № 4. – P. 314–326.
9. Lloyd, A. B. *The late period, 664–323 B.C.* / A. B. Lloyd // *The Oxford history of Ancient Egypt* / ed. I. Shaw. – Oxford ; N. Y., 2000. – P. 330–369.
10. Spaunger, A. *The Concept of monarchy during the Saite epoch: an essay of synthesis* / A. Spaunger // *Orientalia*. N. S. – 1978. – Vol. 47, № 1. – P. 12–36.
11. Swetnam-Burland, M. «Aegyptus Redacta»: the Egyptian obelisk in the Augustan Campus Martius / M. Swetnam-Burland // *The Art Bull.* – 2010. – Vol. 92, № 3. – P. 135–153.
12. The British Museum [Electronic resource] – Mode of access: <https://www.britishmuseum.org>. – Date of access: 16.04.2019.
13. *The Oxford History of Ancient Egypt* / ed. I. Shaw. – Oxford ; N. Y. : OUP, 2000. – 512 p.
14. Weisse, J. A. *The obelisk and freemasonry according to the discoveries of Belzoni and Commander Goringe. Also, Egyptian symbols compared with those discovered in American mounds...* / J. A. Weisse. – N. Y. : J. W. Bouton, 1880. – 244 p.
15. Wilkinson, R. H. *The complete gods and goddesses of ancient Egypt* / R. H. Wilkinson. – New York : Thames a. Hudson, 2003. – 256 p.

16. Бадж, Э. А. У. Тот, бог мудрости и его спутники / Э. А. У. Бадж // Древний Египет: духи, идолы, боги / Э. А. У. Бадж. – М., 2013. – С. 147–152.

17. Древний Восток : учеб. пособие / Н. В. Александрова [и др.]. – М. : Астрель : АСТ, 2008. – 654 с.

18. Топоров, В. Н. Пространство / В. Н. Топоров // Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. – М., 1982. – Т. 2. – С. 341–342.

К ВОПРОСУ ОБ ИДЕНТИФИКАЦИИ ОБЪЕКТОВ, РАСПОЛОЖЕННЫХ В МОРЕ ВОУРУКАШЕ (VOURU.KAŠA) В АВЕСТЕ

А. С. Миксюк

Минск, Академия управления при Президенте Республики Беларусь, ana_m@bk.ru

В статье рассматривается роль моря Воурукаши (vouru.kaša) и связанных с ним объектов в картине мира Авесты. Особое внимание уделяется идентификации следующих объектов, расположенных в середине моря: дерево или деревья (дерево птицы Саэны; дерево hvāpi-), рыба vāsī- и осел хага-. Анализ текстов Авесты позволяет установить, что данная триада объектов воплощает вертикальную ось мира и конструкцию пространств, а также может являться символическим изображением ритуала.

Ключевые слова: Авеста; зороастризм; модель мира; море Воурукаша; ритуал.

The role of the sea Vourukasha (vouru.kaša) and related objects in the picture of the world of the Avesta is analyzed in the article. Particular attention is paid to the identification of the following objects located in the middle of the sea: tree or trees (Saena bird tree; hvāpi- tree), fish vāsī- and donkey hara-. An analysis of the Avesta texts allows us to determine that this triad of objects embodies the vertical axis of the world and the structure of spaces, and can also be a symbolic image of the ritual.

Keywords: Avesta; model of the world; ritual; sea Vourukasha; Zoroastrianism.

Авеста представляют собой уникальный источник, позволяющий реконструировать древние мировоззренческие концепции индоиранцев. При этом, несмотря на солидное количество научных работ, посвященных анализу содержания авестийских текстов в русле религиоведения, источниковедения, философии и других наук, многие авестийские сюжеты, герои и объекты остаются малоизученными по настоящее время.

Одним из таких сюжетов, требующих внимания, является, на наш взгляд, образ моря Воурукаши в пространственной картине мира Авесты, а также идентификация отдельных объектов, связанных с морем.

Прежде всего, обратимся к характеристике моря, которую дает Авеста.

Море Воурукаша (ав. vouru.kaša, пехл. varkaš или fraxvkard) относится к числу наиболее часто упоминаемых географических объектов Авесты. Название моря обычно переводится следующим образом: «с широкими заливами» [10, р. 1429–1430]. Общеизвестно, что море Воурукаша представлялось в зороастрийской космологии как некий мировой океан, окружающий землю [18]. Авеста сообщает, что море Воурукаша образовывается всеми мировыми водами: Воурукаша «вод есть собрание» (ав. arō asti hañjaumanəm) (Видевдат 21, 4 и 16). Подобные представления о существовании единой водной системы могут быть отнесены еще к индоевропейской традиции [4, с. 675].